

ГЕНОЦИД КАК УЖАС И ЗАКОН ЭПОХИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
ЛЕВОН КАЗАРЯН

*“Франция публично признает факт геноцида
армян в 1915 году.” 18.01.2001*

В 5 часов утра 18-го дня занимающегося XXI-го века всю ночь напролет заседавшая Национальная ассамблея Франции единогласно совершила то, что ей не удавалось с самого 1997 – возвела “геноцид армян” в закон, спустя 12 дней подписанный президентом Республики. Ораторская экзальтация и порыв, охвативший все фракции и депутатов без исключения, как бы вернули времена Французской революции и пересмотра календаря. (Ведь, между прочим, описываемый день – это 5-е января по старому стилю, или канун праздника Рождества, по календарю Армянской церкви.) Так мировая столица прав человека и гражданина, в качестве политической увертюры нового столетия, картинно возвестила тему геноцида. Это решение проложило путь к уголовному преследованию за отрицание или дискутирование его в истории, чего теперь требуют армянские организации Франции.

Напомню, что Германия давно уже приняла подобный закон, касающийся преследований евреев в годы фашизма. Однако именно постановление Франции может служить тестом для космополитической демократии. Ибо Франции, в отличие от Германии, не довелось испытать катарсис субъективного национально-государственного покаяния (скажем, на тему безжалостного и безрезультатного подавления алжирского освободительного движения) и она не была принуждена к “денацификации” извне, силой оружия держав-победительниц.

Жёсткая рационалистичность французского менталитета подсказывает, что искать ответ нужно скорее в религиозно-догматической области. Здесь следует внимательней вчитаться в преамбулу восходящей к французскому образцу “Всеобщей декларации прав человека”. Там прямо раскрывается религиозная предпосылка гуманистического миропорядка: “...народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру (выделено мною – Л. К.) в основные права человека”. [1] Поэтому законодательная фиксация истории, вызвавшая такой прилив восторга среди депутатов, подводит

к предположению об имманентности категории геноцида доктрине естественных прав и свобод человека.

Действительно, среди таковых все настойчивей выпячивается *неотъемлемое* “право на жизнь”, замещающее и буквально отрицающее личностно-бытийное *право на смерть*. А это значит, что человек более не исполняет жизнь как должное временное единство, будучи повенчан со смертью и утверждая перед её лицом свои обретения как неподвластные ей исключительные привилегии (право памяти). Напротив, он заневоливает себя самоаприорностью существования. В каждом узком месте, при каждом неудобном случае, он предъявляет “право на жизнь”, как международный льготный проездной билет.

Разомкнув связь жизни и смерти, он порывает со временем, становясь бессрочным сувереном, лишённым помыслов о встречной смерти — или, что то же самое, жизни. Внутренне он отрешается от Другого, чьё параллельное очное присутствие атрибутируется анонимной инстанции — “обществу”, как символу и гаранту формального равноправия суверенных индивидов. С собою же он влачит лишь *собственность*, “сохранение” и безопасное пользование которой и составляет, по Джону Локку, мотив заключения “общественного договора” [3, сс. 311, 317].

Индивидуализм, отрешивший человека от смерти, порождает тип частного собственника своей жизни, который, однако, на деле озабочен лишь тем, как бы израсходовать принадлежность своей смерти, пуская её циркулировать по рукам общества. В этом и состоит разница между частной и личной собственностью: частная собственность концептуально вытекает из организации беспрестанного обращения смерти по кругам общества, где-люди лишь мелькают, тогда как личная собственность выражает особое обязательство индивида, вытекающее из открытого бытийного притязания.

Отсюда проистекает регуляция нынешней капиталистической собственности, хотя и называемой частной, но менее всего ссылающейся на личную принадлежность, и немедленно передающей всякое имущество в пользование тому, кто внесёт плату по общественно принятым расценкам (концепция “вменённых издержек”). Она прямо вытекает из того, что Локк отдаёт в “собственность” человека его жизнь, наряду со свободой и имуществом [3, с. 310]. Именно это и образует праформу доктринального “права на жизнь”.

Если жизнь не то, что человек претворяет (и значит, только человек *живёт*, а животные — живые, и только), — не он сам, облеченный личной дееспособностью, но нечто, прилагающееся к нему, то и смерть — не событие, а неприличная скоропостижность, равносильная общественной обязанности заверить свидетельство о небытии, точнее — выбытии из его рядов. Общество представляет собою институт небытия индивидов. Оттого и получается, что смерть жертвы преступления, происшедшая без свидетелей, вне общества индивидуалистов, не может быть вменена никому в вину. Недавно в Бельгии суд изъял из предъявленного маньяку обвинения пункт о виновности в доведении до смерти девочки, которую он похитил и заточил у себя дома. Мотивировка была следующая: поскольку *никто не видел её смерти*, нельзя утверждать, что она наступила

вследствие издевательств.

Этот негативный посыл, конституирующий “общество”, отзывается нивелирующей тенденцией к аномии и тиражированию. Антихаризматизм “общественного договора” неуклонно ведет к цезаризму и иммуннодефициту, попутно порождая социо- и биоинженерную оппозицию, занятую разработкой приемов коммуникации и клонирования. Депривация смерти тождественна общественному бесправию.

Смерть как подлинность жизненного вопроса отвергнута, выброшена из естества и заменена “естественными правами”. Она объявлена вне закона, поскольку человек поставлен в центр мироздания. Человек отныне *концептуально* бессмертен, но его жизнь обращена в артефакт “концептуального искусства”, которое не *сверх*-, а *безвременно*. Летаргия жизни делает смерть недостижимой, превращая ее в жесточайшую проблему.

Жизнь проваливается в инфантильную иллюзию (“виртуальную реальность”) и поврежденную психофизиологию (виртуальный пол или маниакальный рефрен “Не дай себе засохнуть!”, “Съел – и порядок!”). Человек по горло занят проживанием и развлечением, но отвлечен от жития. Теперь жизнь не подтянута в струну, а отравлена смертью. Искажение собственного облика жизни человек вымещает, проецируя свою бестактность на природное многообразие.

Мир перестает быть неизъяснимым праздником жизни и становится нарочной игрушкой сил – Террором. Будучи в своем роде “искусством невозможного”, трюкачеством смерти, он служит парафразой “республике сил” [2, с. 447], в коей за политику сходит запальчивость. Тогда миротворец перестает быть солдатом, а митингует на предмет своевременного завоза мороженого, – как это показывает пример американского контингента, прохлаждающегося в Косово, – поскольку солдат перестал быть миротворцем.

Итак, восходящая к протестантизму индивидуалистическая парадигма запирает человеку парадную дверь в смерть. Его личная смерть поправа “правом на жизнь”, объявлена персоной нон грата и во всяком случае должна удовлетворять болезненным предписаниям комфорта, будучи сослана на вечное поселение в хоспис. Его политическая смерть сведена к капризу рейтинга. Его исправной государственной смертью манкируют, чураясь казни. Пусть он космополит на лице земли, т.е. в каждой точке территории потенциальный государственный преступник, по коему палач плачет, но позволительно ему уединенно и безвестно блуждать в пространстве. Или, как трактует сей замыкающий момент ст. 6 “Всеобщей декларации прав человека”: “*Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности*”.

Теперь упоённому собственным вселенским самоуправством индивидуалисту остается лишь разъяснить *urbī et orbī* поспешные бесчинства зазорной смерти в эмпирическом мире. Откуда она тогда берётся? Почему мир всё-таки осыпается трупами людей?

Индивидуалист наверняка убежден, что никому нельзя по-человечески причинить смерть. Зато можно – как опрометчивым участникам *общности!* “Зарезать нельзя вырезать” – вот дилемма, предъявляемая к индивидуалистическому решению.

В отдельности никого как человека зарезать нельзя. А вот неузнаваемо и безлично *вырезать*, как *одного из* представителей какой-либо общности – расы, народа, группы, меньшинства, или любой иной, – пожалуйста, можно. Обезличенная смерть бесчеловечна, поэтому она квалифицируется как “преступление против человечности”, а не самого человека. И отнюдь не случайно, что американские индейцы более-менее уцелели в колониях католической Испании, а не протестанской Англии.

Геноцид есть идеальный тип индивидуалистической смертности, которой человек обязан исповедуемой традиции, в противоположность доступному моментальному пересмотру “общественному договору”. С точки зрения индивидуалистической этики, геноцид служит карой за предпочтение осмысленной общности индивидуализму. Армянский народ, 1700 лет живущий в церковном сплочении, несомненно подпадает под действие индивидуалистического императива геноцида. Франция действует в своем роде сурово, но справедливо, преподнося к этой дате, заметим, отнюдь *не* “осуждение”, а как раз “признание” геноцида, как расфранченного, публичного “факта”!

Да, армяне под “признанием геноцида” явно имеют в виду историческое осуждение чьих-то действий. Однако в решении парламента Франции об этом ничего не говорится. Более того, вариант законопроекта, сохранивший формулировку об осуждении, был отвергнут теми же депутатами в ходе голосования. И дополнительное подтверждение тому – фиксация в нём одного лишь года резни – 1915.

Такое признание нужно понимать в буквальном смысле приемлемости и закономерности явления. Примерно так, как одно государство признаёт правительство другого: признают “де-факто”, не осуждая, хотя бы их строй различался. Оно есть не что иное, как легитимизация самого понятия геноцида: внесение его в режимную злополучность индивидуалистической жизни.

И что иное может означать “признание” Генерального секретаря ООН Кофи Аннана в 1998, что он с годичным (!) опозданием среагировал на миллионный “геноцид в Руанде”? Либо просроченное прошение об отставке от чиновника, собственно на то и нанятого, чтобы предотвращать “геноциды”, либо полное и окончательное признание геноцида как составной части нового мирового порядка, под эгидой глобального сообщества. Заметим, что его представители упрекают Кофи Аннана в чём угодно, кроме попустительства геноцидам. И только министр иностранных дел Армении Вардан Осканян мужественно высказался об этом, пронизательно отметив в своём выступлении 12 апреля 2004, посвящённом 10-летию “геноцида в Руанде”, что “к сожалению, он произошёл в условиях, когда международные структуры имели все средства предупредить его”.

Политологический вывод о категории геноцида состоит в том, что она отнюдь не является лишь условным термином, посредством которого цивилизованный человек пытается обозначить нелепое и непредсказуемое умопомрачение каких-то “варваров”. Напротив – это понятие, функционально продуцируемое концепцией прав человека, без которого она остаётся внутренне незавершённой.

Самозакрепощению гуманистического индивида в сознании геноцида сопутствует интенсивное внутреннее переживание ужаса, впечатленного застывшей вычлененностью смерти из человеческой жизни. Это террор, т.е. рефлекторная замашка, регрессирующая к психофизиологической судороге, агонизирующий танец всецело эмансипированного существа. “Пляска смерти” – популярный изобразительный жанр средневекового Запада, в котором не сопровождаемый пронзительным загробным женским причитанием, а галдящий догробный протестантизм квакера обличает человека как недотрогу смерти. Вместо человеческого “*шг пі ҫдг*”-а – этнографического плача и пляса посмертного обряда, на экране игнорирующего смерть сознания прыгающей осциллограммой высвечивается страстный оскал её, бесправного веселья.

Геноцид преимущественно действует вовне, избывая оцепенение неразличимой и тягостной смерти либо в “*emotio*” – в ужасе механического движения сплошного истребления общностей, либо в “*ratio*” – в законе конструирования индивида, клинического выведения клона Гомункулуса. С другой стороны, *терроризм* выплескивается внутрь общества, претворяя смерть в устоявшийся социализм зажиточного существования, психологически облегчая ее случайностью гибели. Терроризм – это разменная монета геноцида, удостоверяющая содержание социальных трансакций.

Тотальный террор свойственен революционному индивидуализму *in status nascendi*, в эпоху его республиканского конституирования. В отличие от него, терроризм максимально приближен к индивиду, зато эмоционально стерилен, ибо все страсти уже впитаны социумом. Терроризм, фигурально выражаясь, – это “Геноцид с доставкой на дом”, из социального супермаркета.

Терроризм – это террор, подхваченный частнопредпринимательской инициативой. Терроризм соотносится с террором, как комфорт завязанного потребителя, ущекотанного рыночной стихией среди пресыщенности товарного мира, – с воодушевлением восставших граждан, перебрасывающихся раскаленной головешкой анархии. Или как мрачно драпированная Статуя Свободы – с растрепанной “Свободой на баррикадах”.

Терроризм действует как автомат по расклепыванию биографии в безотчётный факт, в смертельную частность, гарантирующую общественную непричастность – *алиби*, как сказали бы французские деконструктивисты. Применительно к террористу это алиби выражается в том, что его полагается “*найти и уничтожить*” (выражение американского сенатора Джона Керри), а не выявить и судить, как заблуждающегося, но – человека, чей статус высшего Божественного творения не может быть перечёркнут никаким преступлением.

Гомункулус здесь первый “геополитический младенец”, а Франкенштейн – первый террорист. Чеченский головорез – ожившая гильотина площадного террора, находящаяся под грамотной охраной – рефлексией ПАСЕ, руководство которой не устаёт напоминать закономерность нарушения прав человека при поимке террористов. Террорист – исчадие прав человека, любое целокупное государственное действие ущемляет его права.

Посредством терроризма, геноцид реализуется в его невообразимом, но социально устоявшемся и демократически расплывлённом значении. Это локальный агент геноцида: микрогеноцид, спора или вирус геноцида. Это тень общества – хоть и очень формальной, но тем не менее общности, падающая на индивида. Это рабочий инструмент машинальной демократии, обрывающий единичное течение личной биографии, и сам превращающийся в единственную социальную биографию.

На человечество неумолимо опускается Варфоломеевская ночь геноцида, прорезаемая вспышками террора, – не исключая провокацию применения ядерного оружия против беззащитных городов на периферии Евразии. Индивидуализм накладывает печать геноцида на чело века.

ՏՈՍՔԻ

¹ Всеобщая декларация прав человека. Изд-во ООН, 1998.

² Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3 тт., Т. 3, М., 1988.

Ա մ փ ո փ ու մ

Յեղասպանությունն իբրև մարդու իրավունքների
դարաշրջանի սարսափ և օրենք

Լևոն Դազարյան

Հոդվածում դրվում է ցեղասպանության հասկացության քաղաքականական որակումն տալու հարցը: Ֆրանսիայի խորհրդարանի կողմից՝ հայերի ցեղասպանության ճանաչման մասին ընդունված օրենքի (2001թ.) ծիրում ցույց է տրվում ցեղասպանության կատեգորիայի և մարդու բնական իրավունքների հայեցակարգի ներքին իմաստային կապը, ավելի հստակ՝ «կյանքի իրավունքի» հռչակման առումով: Փաստարկվում է ցեղասպանության օրինաչափ լինելը, իբրև այնպիսի աշխարհաքաղաքական երևույթի, որը արտահայտում է անհատապաշտական աշխարհընկալման որոշ հայեցակարգային պահանջներ: Բացի այդ, նշվում է ցեղասպանության և ահաբեկչության հասկացությունների կապը: Չնակերպված է կանխատեսում XXI դարի միջազգային քաղաքականության ներքո ցեղասպանությունների և տարատեսակ միջուկային ահաբեկչության ընդձված առկայության վերաբերյալ:

S u m m a r y

The Genocide as the Horror and Law of Human Rights Epoch.

Levon Ghazarian

In the article the question of politological qualification of the Genocide notion is stated. On the instance of the French Parliament approved law about the recognition of Armenian Genocide (2001) the author points out the inner connection between the category of Genocide and the doctrine of natural human rights, namely – „the right on life”. The necessity of Genocide as geopolitical phenomenon expressing some conceptual clames of the individualistic world-view derived from protestantism is argued. In addition the links between the Genocide and Terrorism notions are traced. The prediction about genocides and some kinds of nuclear terrorism as the mainstream in the XXI century international politics is formulated.